

Н. ВАЛЕНТИНОВ

Наши клирики

Сенсацію произвел сборник «Вехи».

Октябристский «Голос Москвы» с наслаждением отмечает: «Сборник попал в цель...», «Сборник произвел огромное впечатление, его читают, комментируют...»¹.

За что хвалят октябристы авторов «Вех» и кто такие их авторы?

Два прелиминарных слова.

Помнит ли читатель, как с благословения абсолюта, под барабанный бой, с криками: мы идем, мы, творящие и открывающие истину, добро и красоту, — в 1902 году двинулась рать идеалистов?

Помнит ли читатель сборник «Проблемы идеализма», где преподаны были «новые истины о том, что вся история отныне есть «риза» абсолюта и что быть эгоистом и значит быть нравственным человеком (ст. Бердяева)?² Читатель, быть может, не забыл, что тогда елейные акафисты и непорочно девические, но фамильярные заигрывания идеалистической братии с господином философским абсолютом — были встречены ироническим смехом. Г. Изгоев в журнале «Образование» прямо отрапортовал публике, что у неземного идеализма весьма земные корни. Другие были более резки. Помнится мне, как в 1902 году здесь, в Киеве, В. В. Водовозов на диспуте с С. Н. Булгаковым решительно заявил: «Булгаков опускается в тину самой доподлинной реакционной клерикальной гущи»³. Это звучало резко. Многие из слушателей приняли это как полемическую фразу. Они не могли представить себе, чтобы обман свил гнездо в священной роще российских Дельф, российского идеализма. О каком «классовом нутре» говорите вы? — возмущались иные идеалистические юноши. У идеалистов не может быть классов-

вого нутра. Они — выразители сверхклассовой идеологии. Стыдно говорить, что от идеалистов пахнет буржуазией. Небом пахнет от них.

Прошло несколько лет, и жизнь указала, где находится это небо-Сборник «Вехи» явился плодом коллективной работы авторов «Проблем идеализма». Те самые гг. Струве, Булгаков, Бердяев, Франк и т. д., что писали тот сборник, ныне артельным способом, соединенными усилиями произвели на свет Божий и сборник «Вехи». А так как г. Изгоеву за это время, очевидно, надоело обнажать земные корни неземного идеализма, то в идеалистической кооперации принял участие и он. Ведь времена меняются, меняемся и мы сами!.. И славно поработала идеалистическая кооперация! «Вехи» по дороге к горным вершинам, к обители вечной истины, добра и красоты расставила так ловко, что «Голос Москвы» (№ 85) зычным голосом одобрил: «Спасибо, братцы! Польза от этого будет несомненная, особенно если авторы продолжают свое дело и будут смело и мужественно разрабатывать свои идеи».

О чем же пишут эти авторы? Творение свое посвящают они интеллигенции. «Вехи» — это «сборник статей о русской интеллигенции». Но это неправильно. «Вехи» — сбор обвинений этой интеллигенции. Если в кратких чертах передать суть этих обвинений, то окажется следующее.

Российская интеллигенция повинна в нелюбви к философской истине. Она ощупала эту истину на оселке народо-любства, пролетариатолюбства. Почему это скверно и не скверно приспособление философии к интересам буржуазного строя, сборник не отвечает. Но зато в нем уверенно говорится, что интеллигенция готова принять на веру любую философию, лишь бы она санкционировала ее социальные идеалы. Так пишет г. Бердяев, а г. Булгаков к этому обвинению прибавляет новое и грозно сечет интеллигенцию за ее безверие. Со времени духовного отца русской интеллигенции, Белинского, у нас развилась атеистическая скверна. Благодаря этому создалась оторванность от народа, мировоззрение и уклад которого определяются верою. «Нужно “покаяться”, т. е. пересмотреть, передумать и осудить свою прежнюю душевную жизнь» (с. 58), ибо в том факте, что интеллигенция не верует в то, во что ей рекомендует *верить* (а не *знать*) г. Булгаков, заключается «дальнейшее ухудшение исторического положения». Таким образом, чтобы заставить интеллигенцию верить, г. Булгаков апеллирует к ее народолюбию, которое перед ним и за ним оплевывают его же коллеги по сборнику.

— Поверь, голубушка! — убеждает г. Булгаков. — России нужны новые деятели на всех поприщах жизни. Если ты пове-ришь, то эти деятели найдутся и для реформ, и «для подня-тия сил учащей церкви, ее клира и иерархии».

Так пишет г. Булгаков, а за ним уже выступает Гершензон и с размаху бьет интеллигенцию. «Общественность заполнила сознание». Это главное обвинение г. Гершензона. Никто не жил, а делал общественное дело. Интеллигенты «не жили даже эгои-стически, не радовались жизни, не наслаждались свободно (sic!) ее утехами, но урывками хватали куски и глотали, почти не разжевывая, стыдясь и вместе вождедея, как проказливая собака» (с. 80). Не жить эгоистически — великий грех, по мне-нию г. Гершензона, ибо, по его мнению, эгоизм, самоутвержде-ние — великая сила, которая «делает западную буржуазию мо-гучим бессознательным орудием Божьего дела на земле» (с. 95). «Тирания общественности» искалечила нашу «проказ-ливую собаку». Проказливая собака, видите ли, заполнила свое сознание позитивизмом, забыв, что сознание это «по необ-ходимости мистично, т. е. религиозно, и никакая ученость не убедит его в противном» (с. 82). Проказливая собака вслед-ствие своего доверия (г. Гершензон также приказывает верить) находится в страшной розни с народом. Он, этот народ, вещает г. Гершензон, «ненавидит нас страстно, вероятно, с бессозна-тельным мистическим ужасом». Тут г. Гершензон обмакивает перо в чернильницу, перелистывает некие старые газеты и пи-шет: мы должны благословлять власть, «которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной» (с. 88)...

Когда г. Гершензон писал это, перед ним, очевидно, были ста-рые номера «Русского знамени» и «Московских ведомостей». Там в свое время рисовалось: как раскачается народ да как трахнет по интеллигентским ребрам — так только хруст один и будет слышен. Придется — издевались эти газеты — нашей крамольной интеллигенции просить помощи у того же прави-тельства. Теперь философия мракобесов повторяется г. идеали-стом.

Трогательный альянс. И когда г. Гершензон пишет, что «со-знание может уходить от личности вдаль, блуждать свободно по разным путям», мы совершенно с ним соглашаемся. Созна-ние г. Гершензона действительно блуждало по разным путям до тех пор, пока кое-что не позаимствовало у газеты Страстного бульвара... Сознание, продолжает наш автор, — «тот орган духа, который приемлет в себя истину».

Но — прибавим мы — это в то же время и тот сосуд, в который (речь идет о гершензоновском сознании) одновременно сваливаются противоречия, пошлости, напыщенное кликушество и сидящее на кончике языка народолюбие и славянофильство. Г. Гершензон, например, уверен, что «будь в России хоть *горсть* цельных людей с развитым сознанием, то есть таких, в которых высокий строй мыслей органически претворен в личность», — то, что мы видим, «было бы немислимо». Это ультраинтеллигентская манера трактовать историю и исторические положения. Заготовя в своем кабинете мелкие шпильки для интеллигенции, г. Гершензон позабыл пообчиститься. Противоречивая душа хлюпкого интеллигента выглядывает из каждой строки его писания, и если это противно, то уже совсем невыносимо, когда г. Гершензон размазывает по своей физиономии манную кашу подогретого маниловским пафосом народолюбства и с надрывом в голосе сообщает о народе, который напрягает свою душевную силу «в упорной работе осмысления этой самой тяжелой жизни нравственными идеями и верою».

В духе, близком к г. Гершензону, трактуют и осматривают русскую интеллигенцию и другие участники сборника. Г. Струве, напри<ер>, объявляя «проблему внешнего устройства жизни» как «нечто второстепенное», центр тяжести переносит на внутреннее воспитание, которое «совершается путем непосредственного общения человека с Богом». Так же, как и другие авторы сборника, он распинаят интеллигенцию за ее безрелигиозность и отщепенство от государства. Г. Струве очень мало касается вопроса: сама ли интеллигенция, в силу своей «злой воли», «отщепилась» от государства, или государство хорошими пинками «отщепило» от себя интеллигенцию? Такие вопросы теперь не в моде? Потому-то г. Струве и предпочитает не доказывать, а просто декретировать, что «в безрелигиозном отщепенстве от государства русской интеллигенции — ключ к пониманию пережитой и переживаемой нами революции» (с. 135). В своей статье г. Струве расходится с г. Булгаковым по вопросу о природе интеллигенции. По Булгакову, несмотря на все свои грехи и скверны, все же «религиозна природа русской интеллигенции» (с. 68). По Струве — это не более как «своего рода легенда». «Это в сущности — применение к русской интеллигенции того же самого воззрения, на мой взгляд поверхностного и не выдерживающего критики, которое привело Соловьева к его известной реабилитации, с точки зрения христианской и религиозной, противорелигиозных мыслителей» (с. 132). Изрядное количество противоречий мож-

но найти и в других статьях. Но мы не будем их вылавливать. Важнее общий вопрос: в конце концов чего же хотят наши клирики?

Что у них есть план спасения родины и интеллигенции — это несомненно. Но план их — план генерала Трошю. Тот Париж сдал пруссакам, а эти свои крепости — октябристам. По крайней мере, после того, как авторы «Вех» обнаружили свою платформу, «Голос Москвы» — мы это уже видели — сразу выдал им патент на усовершенствование России. «Хотелось бы, — заявила газета, — чтобы “Вехи” обозначили ясно и определенно тот путь, по которому так нужно идти нашему интеллигентному обществу». Какая честь!

Выше мы говорили, что «Вехи» — сбор обвинений русской интеллигенции. Сбор — потому, что рядом с тем, что действительно заслуживает критики, «Вехи» вмещают в себя и то, чему было бы пристойнее качаться на страницах «Русского знамени» и «Московских ведомостей», с одной стороны, «Нового времени» — с другой. Говорим это не потому, что чувствуем потребность стать на колени пред интеллигенцией российской и произнести льстивую речь: ты безгрешна, твои стремления к высоким идеалам снимают с очереди вопрос о твоих прегрешениях. Мы далеки от подобного идолопоклонства, но говорим: одно дело — критика интеллигенции, другое дело — шинкование. Авторы «Вех» над интеллигенцией производят те же манипуляции, что осенью учиняются над капустой: они шинкуют ее. С высот обители господина философского Абсолюта стираются всякие представления о заслугах интеллигенции. В их глазах она превращается, употребляя выражение г. Гершензона, только в «проказливую собаку», которую надлежит бить и еще раз бить. Нельзя поэтому не согласиться с резолюцией многолюдного собрания в учебном отделе Общества распространения технических знаний в Москве, которое рядом с шаткостью и противоречивостью основных точек зрения авторов «Вех» отметило и их «крайне несправедливое отношение к прошлым и настоящим заслугам лучших элементов русской общественности».

Но мы пойдем даже далее. Пусть, скажем мы, интеллигенция заслуживает не критики, а шинкования в идеалистической кадучке. Во имя чего? — вот интереснейший вопрос. Если за этим мы обратимся к нашим авторам, то получим следующий ответ: интеллигенция заслуживает всех мук идеалистического ущемления прежде всего и главнее всего за ее иррелигиозность. Она должна покаяться и стать верующей. Но это

отнюдь не ясно и не ясно вот по какой причине. Уже давно известно, что где собрались четыре идеалиста, там невидимо витают и четыре бесплотные метафизики. С каждой метафизикой связывается особая религия и особая вера. В какую же веру прикажут верить интеллигенции наши идеалисты, из которых каждый готов спорить, имеет свою философию, свою гносеологию, свою метафизику, свою религию и веру? Хорошо еще, если декретом будет объявлено, что религией интеллигенции должна быть вера кенигсбергского философа-старца Э. Канта, который, постулируя мир ноуменов, мир вещей в себе, помещал в их утробу нематериальную сущность, абсолютный долг, бессмертие души, свободу и «высочайшее из всех существ»⁴. А что будет, если на кафедре встанет г. Гершензон и заявит, что национальной религией русской интеллигенции должна быть его религия? Ведь вера, по прекрасному выражению апостола Павла, есть «способ знания без доказательств». Попробуйте потребовать у г. Гершензона доказательства заявления, что нужно верить в метафизику г. Гершензона, и он вам ответит: О, проказливая собака! Ты отдала твое мистическое сознание на съедение позитивизма. Твое невежество безгранично, ты забыла, что в «нормальной жизни духа позитивизм, как мировоззрение, невозможен» (с. 82). Ты, проказливая собака, спасешься только тогда, когда уверуешь в ту высшую, метафизическую веру, что одна уясняет смысл жизни и дает силу жить. Но что это за «та высшая вера», об этом г. Гершензон ничего не говорит. Еще меньше может прибегнуть он и к методу доказательств, ибо... ибо навсегда останется правым апостол Павел с его определением веры⁵. Она не требует доказательств.

Из авторов «Вех» лишь один г. Булгаков ясно говорит, какую он имеет в виду веру. Он прямо говорит, что интеллигенция испортила себе желудок многими пикантными кушаньями со стола западной цивилизации и что теперь пора «вспомнить о простой, грубой, но безусловно здоровой и питательной пище, о старом Моисеевом десятословии, чтобы потом дойти и до Нового Завета» (с. 51). Мы горячо приветствуем прямоту и ясность г. Булгакова. Если говорить, так говорить до конца. Нельзя говорить и всуе поминать имя Божие, не поясняя при этом, какого бога ты имеешь в виду: бога ли Канта, Гегеля, Фихте или Гершензона и Бердяева. Также до конца нужно и верить, ибо, по прекрасному выражению Гюйо, вера без мифов, без чудес, без обрядов — это не вера, а нечто ублюбочное⁶. Г. Булгаков в этом отношении откровенен, но ему не удастся до конца быть бескорыстным, и он, сам того не ведая, в бочку меда кладет

изрядную ложку дегтя. Дегтя, с их идеалистической точки зрения, самого ужасного — дегтя утилитаризма. В самом деле: если присмотреться к тому, что пишет г. Булгаков и его соратники, то нетрудно заметить, что вся их апелляция к вере насквозь пропитана самыми утилитарными вожделениями. Правда, они не говорят как школьники в церкви: пошли так, чтобы выдержать экзамен. Не уподобляются они и убийцам, и ростовщикам, о которых насмешливый Бодлер язвительно заметил: по всей вероятности, и они молятся: сделай так, чтобы удалась моя операция⁷. Господа идеалисты поступают по-другому: закатив глаза по направлению к высшей метафизической инстанции и молитвенно сложив руки на груди, они в то же время беспрестанно и поистине как блудливая, проказливая собака озираются назад: а что, мол, выйдет из нашей веры и из наших бескорыстных идеалистических песнопений и молитв? Разве это не грубейший утилитаризм? Разве таким утилитаризмом не отдает г. Булгаков, указывая, что в безверии интеллигенции заключается факт «ухудшения» нашего исторического положения (с. 66)? И разве не демонстрирует свой умственный блуд наш непроказливый г. Гершензон, когда приспособляет веру к тому факту, что верит народ.

Ультраутилитаризмом и «тиранией общественности» так и несет от наших идеалистов. Эту сторону наших безгрешных проповедников подметил в «Русских ведомостях» и И. Н. Игнатов. Интеллигенция, пишет он, по мнению прокуроров из «Вех», грешна тем, что практическую пользу поставила выше всего. «Чем же как не практической пользой вызвана та проповедь, которая несетя со страниц сборника «Вехи»? Плохо устроилась наша интеллигенция с «обновлением России», пусть она позаимствует у народа веру, и тогда справится легче» (№ 85). Такое заключение, по мнению г. Игнатова, выносишь из многих статей сборника. И это дает ему право остроумно напомнить, как у Успенского одна госпожа писала родственнику: «Молись и проси у Бога прощения, зная, что на железных дорогах все места заняты и нигде тебе не дадут ничего». В этом духе работают и наши идеалисты. И вот что удивительно: в сборнике первой идет статья г. Бердяева. Та самая статья, в которой интеллигенции достается за то, что при выборе философии она осмеливалась считаться с отношением этой философии к «народному благу». Г. Бердяев анафеме предал проказливую собаку за ее ощупывание философий на оселке народолюбства, и в частности рабочелюбства. Это «недостойное поглядывание по сторонам». Прекрасно, но когда его коллеги по сборнику,

выдвигая веру и метафизику, ежеминутно поглядывают по сторонам с целью узнать, как отразится это в области клира и пр., почему г. Бердяев кладет повязку на свой рот, давая обет молчания?

Вспоминая октябристские восторги по адресу «Вех», мы начинаем понимать причину. Философию нельзя ощупывать на оселке только рабочелюбства. На всякие иные — сколько угодно. Даже более того: чем лучше будет подходить философия под оселки и вкусы «Голоса Москвы» — тем «независимее», «достойнее» будет такая философия и тем больше у гг. Бердяевых будет данных громко называть ее «национальной». Да, мы согласны: это национальная философия нашей национальной буржуазии. И даже не национальной, а интернациональной, так как до сих пор идеалистическая метафизика всегда служила прекрасной покрывкой всех вообще буржуазных учреждений и институтов, объявляя (вспомните г. Гершензона) буржуазию «орудием Божьего дела на земле» (с. 95).

В конце концов вот какова дорога, указываемая «Вехами». Идти от марксизма, провозгласить истины идеализма и дойти до октябризма. Начать за здравие, а кончить за упокой. Начать с высоких истин самой высокой пробы, а кончить «асемитизмом». И знаете, что самое главное в этом правдоискательстве, в этом постоянном ежегодном и ежедневном линянии? Самое главное — это никогда не думать, даже не задаваться мыслью, что это не правдоискательство, а нечто совсем другое...

Г. Струве находит, что в «оценке «Вех» наступает в нашей прогрессивной печати поворот, который нельзя не признать большим шагом вперед». Г. Струве в своих «Размышлениях» («Слово») подводит некоторые итоги отношения к этим пресловутым «Вехам»... Что же — итоги, так итоги, будем подводить и мы.

Прежде о «смелой и дерзающей мысли».

Он, г. Струве, никак не может согласиться с тем, что «Вехи» не мужественная книга. Но то обстоятельство, что г. Струве никак не может с этим согласиться, вряд ли кого убеждает, хотя бы при этом на его стороне был сам А. Столыпин из «Нового времени», полагающий, что в «Вехах» зеркало интеллигентской сущности отшлифовано «терпеливыми и мастерскими руками людей правдивых и бесстрашных» (№ 11893). А не мужественны и не бесстрашны авторы «Вех» вот почему. Если российская интеллигенция именно такова, какой ее изображают «веховцы»; если это сонмище из «проказливых собак», больных людей, отщепенцев, невежд, блудодеев в философии и

иных областях; если половая неряшливость, душевная грязь, хамство, высокомерие и нелюбовь к истине — доподлинные черты интеллигентского нутра, то тогда трижды прав г. Гершензон. Тогда, действительно, интеллигенции нужно бояться народа, который может над этим сонмищем преступников учинить жестокую расправу, подобную той, что учиняется над конокрадами. Тогда прав г. Гершензон, что «мы» должны «благословлять власть», которая «одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной». И, однако, когда прогрессивная печать открыла усиленный огонь по этому логическому выводу из всех веховских обличений, что сказали наши мужественные и бесстрашные, правду имеющие и правдоискательствующие авторы «Вех»? Г. Изгоев написал, что он-де в своей статье сделал какую-то оговорку, а г. Струве поспешил оградить себя от «фразы М. О. Гершензона». Осмысливая ее, он, видите ли, пришел к убеждению, что «она морально и политически неверна и исторически несообразна». Еще меньшую мужественность являют гг. веховцы при определении весьма интересного вопроса: кто с ними и кто против них?

Кто же оказывается против них?

Г. Игнатов из «Русских ведомостей» и «Русские ведомости».

«Всегда уравновешенный, всегда соблюдающий меру К. К. Арсеньев».

Против «Вех» выступают, по заявлению г. Струве, «такие люди, как кн. Д. И. Шаховской» (ярославский «Голос») и другие из кадетских кругов, которые высылают «против нас, между прочим, Д. С. Мережковского». Одним словом, замечается интересная картина: все более или менее проникнутое духом прогресса в идейном и политическом отношении бежит от «Вех» и отрекается от них. Около «Вех» образуется пустота, и туда поспешно устремляются новые союзники.

Кто же оказывается солидарным с «Вехами»?

«Голос Москвы», выдавший веховцам патент на определение пути, которым «нужно идти нашему интеллигентному обществу»...

«Новое время», выпустившее г-на А. Столыпина защищать веховцев от «суда партийной нетерпимости»... Если бы авторы «Вех» были в самом деле мужественными и бесстрашными, им прежде всего следовало бы, не боясь, не страшась, прямо в лицо посмотреть этому красноречивому и многоговорящему факту. В самом деле: дело ведь не в критике российской интеллигенции и не в *lèse-majesté*⁸, в оскорблении этой интеллигенции. Интеллигенция нуждается и в критике, и в самокритике.

И в суде, и в самосуде. В беспощадном выявлении ее недостатков, ошибок, заблуждений. Но дело тут — в точке зрения, в подходе к этой критике, в характере ее посылок. А в этом отношении «Вехи» именно таковы, что могут прельщать на свою сторону только гг. из «Голоса Москвы», «Нового времени» и вообще из реакционного лагеря. Эти обвинения в реакционности г. Струве считает нелепыми и увековечивающими, как он говорит в «Слове», «поверхностную, да позволено будет сказать, чисто полицейскую точку зрения на идеи». Мы согласились бы с г. Струве, если бы по отношению к антивеховской критике можно было сказать, что она ограничивается только налепливанием на «Вехи» обвинения в реакционности. Но ведь это неправда. Критика такое обвинение вынесла в результате анализа основных положений авторов «Вех», шаткости этих положений и, самое главное, из анализа того специфического *духа*, которым отдают страницы этого сборника. А этот «дух» именно и нравится тем, кого до сих пор называли реакционерами. Впрочем, у г. Струве нашелся довод и против такого сближения. Суть дела, пишет он, не в оценке людей, а в оценке идей, мировоззрений и действий — «независимо от того, кому они могут и должны быть приписаны или вменены». Великолепная и чрезвычайно характерная для господ идеалистов точка зрения. И характерна она вот чем. Эти господа составили определенную систему идей, тесно связанную с определенной системой действий. Как только противники их попробовали расшифровать эту систему и, приведя в связь с жизнью, показать, «что к чему», что из этого получается, кому больше всего это нравится и подходят их идеи, гг. из «Вех» устами г. Струве немедленно заявили, что суть дела не в оценке людей и не в людях и не в том, кому вменять эти идеи. Выходит, одним словом, что нам нужно иметь дело не с живыми людьми, не с реальными общественными группами и классами, а с кем-то и с чем-то независимо от всего этого. Но ведь это какой-то мистический мир «тихих мальчиков» г. Сологуба, надземная сфера бесплотных существований, где нет ни добра, ни зла, ни разума, ни справедливости⁹. Это мир вне людей и жизни, и стоит только проникнуть в эту надземную обитель, как уничтожится возможность каких-либо оценок, ибо с высот этой обители погашаются все человеческие ценности, положительные и отрицательные, все становится безразличным, безликим...

Как же совместить эту вне человека стоящую точку зрения и жизнь с ее живыми людьми, на предмет вразумления которых и постарались авторы «Вех»? У г. Струве на это нет ответа,

но причины его желания — уйти от точки зрения «вменения» идей и оценки людей — вполне понятны.

Вот почему, не оглядываясь на свое прошлое, он и приглашает к анализу идей без всяких «личностей» и намеков на личности.

P. S. Статья была написана до опубликования (в «Слове») архиепископом Антонием открытого письма к авторам «Вех». Je ne propose rien, j'expose¹⁰ и... очень прошу читателя обратить внимание на те комплименты, что получают «веховцы» в этом письме. Теперь должно быть ясно, в каких кругах наступает «поворот» и каким кругам особенно по вкусу философия «Вех».

(В защиту интеллигенции. Сб. статей. М., 1909. С. 101 — 115; первоначально опубл. в газете «Киевская мысль» № 107, 109. (1909. 19 и 22 апреля (2 и 5 мая))

